

НЕЧИСТЬ -ЛИХОДЕЙ-

Книга 2

Tony Sart

Tony Sart
Нечисть. Лиходей. Книга 2
Серия «Нечисть», книга 3
Серия «Страшные сказки
со всего света. Ретеллинги»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73835663
Нечисть. Лиходей. Книга 2 / Тони Сарт: АСТ; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-184782-1

Аннотация

Горше полыни может быть правда, да только другой нет. Коль выпала ведуну недоля быть куклой в чужих руках, то не столь уж важно – за доброе ли дело аль за злое его ведут. Нет хозяину дела до желаний игрушки. Ищет опоры в метаниях своих Неждан, бросается из края в край. Где найдет плечо верное? У любавы, сердцу родной, или же у новообретенных братьев да сестер, одной кровью, одним Обрядом связанных? Сквозь путаницу видений, силки злодеев и неведомые козни продирается ведун, да только все громче звучит внутри страшный шепот, все сильнее манит. Сцепил зубы Неждан, не откликается на зов... Ан нет. Обернулся. Дорога – вот удел ведуна.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Плейлист	5
Круг второй. Наследок	7
Зачин	7
Бука	21
Конец ознакомительного фрагмента.	48

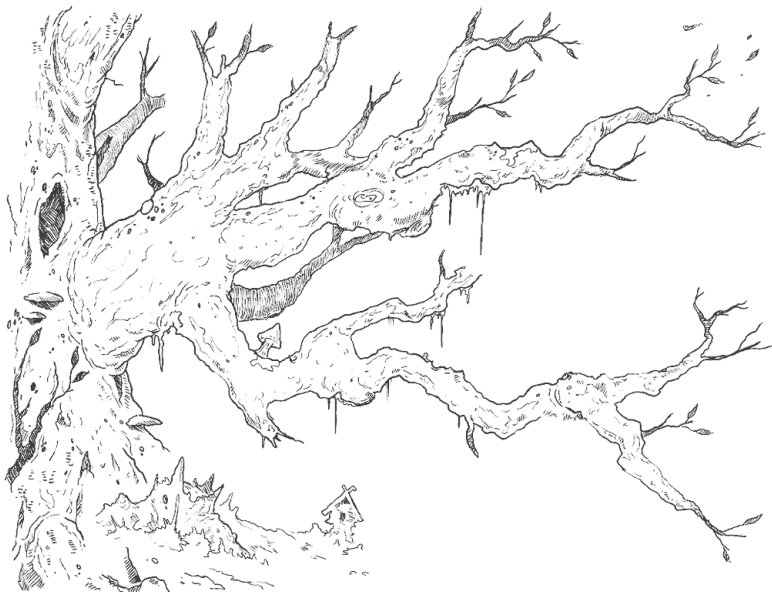
Плейлист

- «Слава и смерть» – Блуждающие огни
- «Вечно один» – Вольный путь
- «Разными дорогами» – Канцлер Ги
- «Север» – Карелия
- «Толокно» – Калинов Мост
- «Колдуньи» – Блуждающие огни
- «О нехороших людях» – Пилот
- «Странник» – Reg in the moss, Pulheriya
- «Рассвет» – Блуждающие огни
- «Баллада о древне-
русском воине» – Ария
- «Костяная любовь» – Ворожея отражений
- «Невольница» – Ягода

- «Блеснет» – Калинов Мост
- «Крылатая колыбельная» – WaveWind
- «Старым жить» – Выход
- «Память» – Кошка Сашка
- «Ветер в ивах» – Калевала, Сварга
- «Соколом» – Dasha Mist
- «Княжий остров» – Николай Емелин
- «Трудно быть Богом» – Wallace Band
- «Цветная» – Калинов Мост
- «Единственный враг» – Канцлер Ги
- «Закрой глаза» – Блуждающие огни
- «Никто вместо нас» – Пламенев
- «Песня для Арчи» – Ворожея отражений
- «Сон-травы» – Гром-птица
- «Мы были всегда» – Травы Ветра
- «Круговерть» – Woodscream

Круг второй. Наследок

Зачин

*Буйные гривы костры по погибшим подымут,
Чтобы на миг даже ветер полуночный стих:
Пусть говорится, что мертвые сраму не имут,*

*Но вся их доля отныне лежит на живых.
«Память», Кошка Саука*

В походном шатре было темно.

Свет лагерных костров, что потрескивали снаружи, лишь слегка проникал сюда через робкую щель приоткрытого полога, бросая на утопанную землю и шкуры узкую желтоватую полоску. Порой оттуда доносились приглушенные звуки разговоров прислуги, стук посуды и ржание коней. Боевой привал постепенно готовился к ночлегу.

Главный Судья Гуго отложил перо и откинулся на спинку резного, богато украшенного узорами и самоцветами стула. Прикрыв глаза, он долго и внимательно вслушивался в

неверный гомон снаружи. Сейчас Брат Вечного меньше всего напоминал шутовского вихлявого старикашку. Его угловатое лицо было спокойным, сосредоточенным, а непослушные букли волос за ушами больше походили на шипы или рога. Узкий рот плотно сжат, а под набрякшими веками нет-нет да и можно было различить быстрые метания глаз. Словно Гуго метал по сторонам иглы-взгляды.

Окажись в шатре кто-то посторонний, он непременно отметил бы, что главный Судья напряжен. Щуплое тело его было чуть скованным, а узкие жилистые пальцы нервно поглаживали потертые подлокотники. Да, случайный свидетель обязательно бы отметил это в позе сидящего, но кто в здравом уме решился бы сейчас потревожить покой Судьи? Даже самые приближенные Братья знали, что без крайней необходимости не следует дергать Гуго по вечерам. Всякое может быть. Глянет коротко старичок на дерзкого, осмелившегося нарушить уединение без особой нужды, улыбнется по-отечески, и...

И пропадал потом человек. Как не было. И никто даже не спрашивал, куда увозили несчастного.

Нет уж, господари мои, своя шкура дорога. Так что пусть сидит себе старый Гуго в одиночестве, скребет пером по пергаменту.

А мы своими заботами заниматься будем. Благо в походе на варварские земли всегда есть что делать.

Судья с силой потер пальцами виски, побряхтел и открыл

глаза. Хитро глянул по темным углам шатра, будто пересчитывал походные сундуки и личные вещи, не пропало ли чего. Долго вглядывался под балдахин разъемной кровати. Шевельнулось там что? Нет, показалось. Да и кто осмелится лезть не то что в шатер главного Судьи, но и на любимое его ложе? Каждый кмет от Шпании до Хорсы знал главную странность Гуго: везде, в любой поход возить личную кровать. Чудную, неуклюжую, громоздкую, под которую всегда было отряжено две телеги. Говорили, что, даже приезжая с визитами в родовые замки герцогов или владык Домов, старик тащил койку с собой.

Говорили, само собой, шепотком, тайком, оглядываясь через плечо. А после ворочались от бессонницы, перебирая в головах: а не сказали ли чего лишнего, не сболтнули ли крамолы? И тек холодный пот по спинам.

Потому что любой кмет знал не только про странности Судьи, но и про его жестокость. И тем не менее...

Гуго медленно положил руки на походный столик. Дробно простучал пальцами, прислушиваясь к гулкому звуку дерева, после чего вновь внимательно перечитал написанное.

Нет, это не были доносы или указания, не вести о продвижении похода или отчеты. Подобными мелочами пусть занимается сопляк Дюк и его писари. О нет! Главный Судья по вечерам позволял себе маленькую слабость: он составлял бестиарий. Безделица, пустяк, блажь старика, но нравилось Гуго записывать и отмечать повадки встреченных и уничто-

женных тварей. Само собой, от этого они не становились для него менее омерзительными, противными Воле Вечного порождениями диких земель, но было в этих заметках для Судьи что-то... Наверное, это можно было сравнить с охотничьими чучелами на стене у лорда Экзика, которыми как-то имел удовольствие любоваться Гуго на приеме. Подтверждение подвига, трофей.

Мертвая красота победы.

Твоей победы!

Гуго слегка, лишь уголками рта, улыбнулся и sprыснул песком по подсыхающим чернилам. Сдул лишнее. И вдруг так и замер в неудобной позе, с застывшей на лице гримасой выдоха.

Метнулся вновь взгляд по сумраку шатра.

Побежали по углам глаз частые трещинки-морщинки.

Медленно растянулась широкая усмешка. Страшная, хищная.

– Я мог бы позвать Братьев, – бросил Судья в темноту и мелко захихикал. – Но не буду. Пока не буду. Я ждал кого-то...

Он на миг задумался, подбирая слова.

– ...кого-то из ваших, – чуть погодя добавил он.

Тишина.

Старик довольно прищурился, притворно небрежно откинулся на спинку стула. Теперь он был похож на сытого кота, решившего поиграть со своей жертвой.

– В этот чудный вечер я в благом расположении духа, а потому не изгоню тебя прямо сейчас. – Гуго говорил не спеша, почти мурлыкая. – Но и ждать долго не буду. Коль явился, говори!

И замолчал, давая понять неведомому гостю, что сказал все.

Спустя мгновение во мраке за любимой кроватью Гуго почувствовал какое-то шевеление. Там кто-то завозился, заелозил, и вот в еле различимый сумрак шагнул маленький, не более двух локтей росточком, человечек.

Нет, не человечек.

Деревяшка.

Только с ручками-ножками.

Оттого и показалось сначала Судье, что появился перед ним худенький коротыш. Впрочем, не верховному Брату Вечного было удивляться диковинному виду гостя. Страшные земли, дикие, полные всякой дряни. Но Гуго, разглядывая поленце, поймал себя на том, что в нем пробудился интерес. Раньше подобные существа ему не попадались. Хороший вечер, занятный.

А потом можно будет не спеша, обстоятельно описать эту гадинку на пергаменте. Сложить к остальным листам в кованный сундук. Пополнить коллекцию.

Видимо, на миг Судья потерял самообладание и все это стало читаться на его лице, потому как бревнышко с опаской юркнуло за стойку кровати и, высунув оттуда нос-веточку,

запричитало:

– Ой-ёй, добрый дядечка, чую, обидеть хочешь маленького меня! Негоже гостя дорогого с порога страшать да запугивать. Уж ты уважил бы лучше да медку поднес, пряничка сладкого аль сдобу какую. Уж гость бы тогда ай как растаял, стал бы приветливым за такую любезность, да, глядишь, сговорились бы о чем...

Судья спокойно внимал потоку речи бревнышка, и видно было, что в нем постепенно копилось раздражение. Впрочем, Гуго умел держать себя в руках.

– Был у лорда Экзика шут, – холодно заговорил старик, не озаботясь даже дослушать болтовню гостя. Произносил он это скучно, негромко, но таилось в этом голосе что-то страшное. – Забавный был. Тоже коротышка. Юркий, резвый. Балаболил без умолку, всё шутки да забавы. Любил его очень лорд. Во всем потакал. Как-то гостил я у старого Экзика, да и довелось мне познакомиться с веселым паяцем. Одного взгляда хватило, чтобы понять, какие темные тайны прячутся за ширмой веселья, как далеко проникли черные корни властолюбия, как крепко держит лорда придворный карлик, под плащом шутовства пряча кинжал коварства. Серой силой был тот прислужник. Снаружи безобидное фиглярство, а копнешь... Много тайн рассказал нам любимчик Экзика, пока корчился на дыбе. Много ниточек заговоров распутали Братья Вечного. Щуплый, конечно, был, долго не сдюжил дознания. Но веселый, спору нет.

Гуго медленно, почти нежно погладил край столика. Добавил:

– На тебя очень похож.

Поленце, до того с испугом слушавшее старика, вдруг перестало мелко трястись. Шагнуло из своего укрытия.

Все поменялось в нем молниеносно и разительно, а от прежнего юродствования не осталось и следа.

– Значит, так будем общаться, – скрипнуло бревно, и голос этот был теперь сух и колюч, как мертвый кустарник. – Что ж, прав ты, чужеземец. И байка твоя метко попала, и намек я понял. А еще я понял, что не ошибся с тем, к кому надобно в гости наведываться, кто на самом деле тут заправляет.

Гуго поморщился.

– Не подхалимничай.

Деревяшка прошелся по грязной шкуре, заложив лапки-веточки за спину. Будто думал-прикидывал, с чего начать.

Старик не торопил.

– Не буду скрывать, – наконец начал Алчба, – что я понимал всю опасность визита сюда. И все же я здесь! Вы со своим вторжением наделали немало шуму в наших землях. Вестовые соколы уже долетели до ближайших княжеств, а оттуда вглубь, до самого Большого камня. Несутся гонцы, бьют тревогу. И пока ваша ватага пробивается все дальше, почти не встречая отпора, у некоторых, не будем тыкать в них

веточкой, могла создаться обманчивая уверенность в собственных силах. Но я не привык недооценивать, хм-м, себе-седников, а потому вряд ли ваша затея не учитывала обилие земель Руси и ратной силы, которую могут собрать князья, верно?

Гуго молчал, с легким интересом глядя на расхаживающую туда-сюда полешку.

– Верно, – не ожидая ответа, продолжило полено. – Значит, задумка ваша гораздо более обширная, а нападение идет со многих сторон. Но вот что мне непонятно было, так это с чего всполошилась Небыль. Казалось бы, ну пришли иноземцы жечь да грабить города людские. Не раз бывало, не раз давали отпор. Да и дела человечьи мало волновать должны того же водяного или лешего. Так, честно сказать, оно и было поначалу. Ой, да вам то и неинтересно, дело долгое. А вот теперь спохватились... И ладно бы, что хозяйка, та уж на всю рогатую свою башку блаженная, а все же явно испугалась, в Обряд полезла...

Алчба оборвал себя, понимая, что сболтнул лишнего. Он бросил быстрый взгляд на Судью, не усмотрел ли тот что, и бегло затараторил другое, стараясь под ворохом пустых слов погрести заветное.

Гуго молчал.

Бревно все же перестало нести околесицу, глубоко вдохнуло, хрустнув корой, и, решив переходить к сути, продолжило:

– Так, о чем я? Да, не надо быть очень умненьким, чтобы понять, что ваша затея не простой набег, что нынче кроется за ним что-то большее. Оттого и всполошились от Небыли, оттого и трясутся да прячутся духи по лесам и болотам, дрожат за свою суть. Потому как теперь поменялся расклад и вместе с ордами с запада пришли к нам вы. – Сучок пальцем нагло указал на Судью. – Братья, или как вас там. Не столь важно лично мне, как себя очередные дурачки называют. Не первый год землю топчем, видели и почитателей Древних, и безумцев, взывающих к истокам пранародов, и открывателей кургана Вия... Немало таких. Да только сила есть у вас. Сила! Прознал я про то, да вы и не таились особо. Можете вы навсегда Небыль уничтожить... уж не знаю как, кем дадена та власть, но можете.

Алчба понурил голову, но вдруг весело подпрыгнул и ловко заскочил на спинку кровати. И в этот момент от единственного глаза деревяшки не ускользнуло, как вздрогнул, подался вперед Судья. Приметил это хитрый небыльник, в котомку знаний положил, припас. А сам продолжил как ни в чем не бывало:

– Да и чуры с ней, с Небылью. Верно говорю, старик? – Гуго вновь поморщился, явно отвыкнув от такого с собой обращения. Но опять сдержался. Интерес к происходящему пока перевешивал желание запустить «Длань Вечного» в болтливую тварь. Полено меж тем уже всю разгулялось. – Я за вами наблюдал. Долго. Все слушал, поглядывал. Как я пони-

маю, хотите вы извести нашего брата под корень, людей же подчинить, земли захватить, а память людскую стереть, навязав почитание ваших... чуров? Нет. Не очень понятно мне это, но что-то вроде очень сильных Древних. Вы зовете его Вечным – хороший, наверное, малый...

И все же Гуго сорвался.

Он вскочил, опрокинув стул. Все его щуплое тело тряслось от гнева, а хищная тварь внутри готова была рвать и метать. Жилистые пальцы, еле выглядывающие из-под нависающих рукавов рясы, светились белесым нестерпимым огнем.

– Как смеешь ты, нечистая дрянь, – зашипел Судья, шагая вперед, – своим грязным дуплом порочить имя Вечного?

Гуго шел, надвигаясь на сжавшегося от притворного ужаса Алчбу. Казалось, весь шатер стала опутывать еле различимая паутина. Сияющие нити тянулись от самого свода во все концы, к кольям креплений, к столбам перекрытий, дальше, под землю. Ловушка, не вырваться. Громадный силок для обреченных. Руки старика уже полыхали так, словно он в них держал по лучу солнца.

Судья мог быть похож на огнеглазого Ховалу, если бы не хищный холодный голод, что можно было распознать в темных зрачках. Тварь внутри жаждала расправы.

– Вас, нечисть, мы, Братья Вечного, искореним, сождем всю до единой! Как сделали это в родных землях, так будет и здесь! Потому как истинна лишь одна власть! Власть Вечного! – Гуго уже кричал, брызжа слюной и воздевая над го-

ловой руки.

– И ваша, – спокойно сказал Алчба, чем порядком сбил выпадающего в раж Судью. – Власть-то – она штука такая. Всем хочется. Ты ручками не маши, дед, вижу, что силен. Да только и я тебе не кикимора зачуханная. Меня так просто не возьмешь.

Гуго, ненадолго ошарашенный, вновь завыл:

– Да как ты смеешь?! Низвергнут будешь...

И он необычайно ловко для своих лет прыгнул вперед, норовя вонзить, утопить свои руки в тело полена. Впрочем, Алчба оказался шустрее. Юрко нырнув вбок и кувыркнувшись, он появился позади Судьи. Поплясав то ли от негодования, то ли от азарта на своих тонких ножках, полено крикнуло:

– То, что вы фанатики, я уразумел сразу, старик. Ты когда подостынешь, ручонки свои протушишь, то ты подумай. Крепко подумай. Нам есть о чем поговорить за кружкой меда. А от нужных союзников, как и от власти, отказываться глупо. А власти, дед, хотят многие. Ну, ты понимаешь? Захочешь обсудить – позови ночью на перекрестке маленького Алчбу.

С этими словами он крутанулся волчком, скакнул, будто в раздразе, взад-вперед и исчез. Как не было.

Подвели силки сияющие, дали сбой.

Часто дыша, стараясь успокоить полыхающий внутри гнев, Гуго озирался, стоя посреди шатра. Тварь умудрилась

улизнуть. А вот как – то был большой вопрос.

Старик с силой сжал челюсти, стараясь не зарычать от злобы и упущенной добычи. Впервые за много лет он дал волю чувствам. Мелкая дрянь умудрилась уж неведомо как, но вывести его из себя. Может, оттого и дала слабину паутина?

Терзаясь этими вопросами, Судья подошел к кровати. Поганое бревно посмело осквернить ложе своим нечистым касанием. Посмело...

Гуго вгляделся, стараясь в сумраке шатра различить спинку кровати...

От дикого, яростного крика, раздавшегося из шатра главного Судьи, вздрогнул, казалось, весь лес вокруг. А уже через миг Братья Вечного из приближенной охраны, до того топтавшиеся возле входа в нерешительности, разом ввалились внутрь, полыхая светом удавок. И обнаружили Гуго в таком безмолвном бешенстве, что всерьез стали опасаться за рассудок своего предводителя.

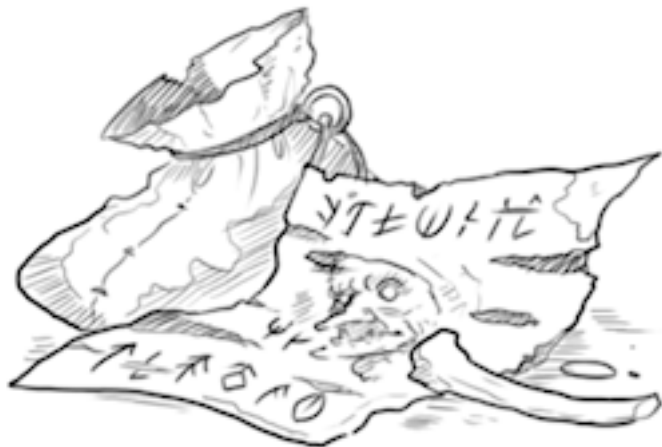
Влетевший в шатер чуть позже Дюк Миндовг, наспех одетый и в сопровождении растревоженного служки, мигом оценил ситуацию. А одного взгляда на спинку кровати хватило, чтобы понять причину ярости Судьи.

На богатой древесине любимой кровати верховного Брата Вечного было накарябано изображение того, что обычно не требует толмачей и не подвластно ни времени, ни границам.

Предельно доступно и доходчиво.

Как будто ножом или острой палочкой процарапали.

Дюк не смог отказать себе в улыбке, глядя на бледное, искаженное яростью лицо Гуго.

Бука

*Близкой бедой, грустью,
Одинокой печальной долей,
Заблудшей родной душою
Пахнет ветер в ивах.*
«Ветер в ивах», Калевала, Сварга

Лес вокруг пел.

Девушка-весна уже вступила в свои права, и погожие деньки теперь радовали теплом. Лучи светила, еще бледного, словно неумытого, все чаще пригревали по-настоящему, ласкали. Вот и сейчас, бодро шагая по небольшой заросшей тропке, я любовался чехардой солнечных копий, пронзающих дробные ряды листвы и хвои. В зарослях голосили птицы-невидимки, на разные лады радуясь теплу. И лес, обычно тихий, даже немой в зимние дни, нынче напоминал шумное городское торжище, и казалось мне, будто вон там, в зарослях дикой ягоды, спорят о цене хамоватые купцы-пузачи. А чуть поодаль, за темной палой березой, переругиваются бабы-товарки, норовя переманить покупателя. Или совсем рядом, почти под ногами, переливами дудки и треньками гуслей резвятся неунывающие плуты-скоморохи. И чудилось, что иду я не по лесной чаще, а по рынку, что ноги мои бьют не молодую траву, а бревенчатые настилы.

– Хорошо! – шурясь от блеснувшего прямо в глаза лучика, шепнул я и набрал глубоко в грудь свежего воздуха.

– Это да, – согласился Горын отрешенно. Мне показалось, что он сейчас не здесь, а где-то в своих думах. И я решил не донимать лишний раз спутника.

Путь был долгим, и за то время, что покинули мы капище, довелось нам попетлять немало. Да и дело ведунское никто не отменял: с неделю провозился я на одном погосте близ Кваса, шумного городища на берегу рукава Россы. Порядком попотел я, выясняя, отчего мирное до того пристани-

ще усопших вдруг стало потревоженным, пугая всю округу мертвецами, костомохами и упырями. Поначалу, везде уже видя порой тень чернокнижников и Пагубы, грешил я на какого умруна или даже ератника, но все оказалось гораздо рутиннее. Гордые ремесленники с окраин Кваса на празднике проводов зимы оскорбили дочку местного знахаря. И подозревал я, что не только оскорбили и дело дошло до поругания, потому как дочка та быстро сгорела, бедняжка. Кто говорил – от горя, а кто – что и руки на себя наложила, тем самым отмеренный век свой укоротив. А это уже было что-то, поскольку больше укладывалось в суть дел, нежели некие таинственные мертвые колдуны. Скорее всего, девка в посмертии зло-обиду запомнила, покоя не нашла, а потому ненавистью своей бессознательной и тревожила мертвецов. Оттого и была нежить вся блудящая, без цели, без толку слоняющаяся да путников пугающая. Ну а как это ясно стало, то уж там дело было мое, ведунское. Наплел я три помела: дубовое, еловое и осиновое – да и пошел гнать-упокаивать несчастную. И самым сложным было дознаться у убитого горем знахаря, где он дочь схоронил. Но выведал и дело свое сделал. Да только, уходя, видел, что не простил обиду лютую старец и хлебнут еще горя местные молодчики. В ближайший посев и хлебнут.

Тогда еще я поймал себя на мысли, что было мне на то все равно. Мало ли как люди между собой разбираться будут, долги-обиды выплачивать. Не мое то дело, не про мое

ремесло. Горын, конечно, пытался что-то возразить, мол, надо бы местным витязям дать совет глаз со знахаря не спускать, да я лишь отмахнулся. Молодчикам тем, конечно, суд надобен, а каким он будет – местные пусть и думают. И если от старика, то меня вполне устраивало.

На том и порешил.

– До Лады путь неблизкий, – чуть погодя все же завел я разговор – то ли от скуки, то ли ради праздной болтовни. – Хорошо бы нам обойти Юза-острог по северу. Крюк, конечно, зато гору обойдем. Как думаешь?

– Может, и так, – хмыкнул череп.

Я вздохнул:

– Ты опять за свое?

Горын долго молчал, но внезапно его прорвало:

– Я вот не пойму, ведун, – затараторил он с жаром. – Вот говорил ты, мол, негоже нам Лихо вызывать, потому как беду можно накликасть, людям вокруг аукнется. Радетель за мир этакий. А близ Кваса куда растерял свои устои, а? Уж кто-кто, а ты-то понимаешь, каких бед может натворить старик с его знаниями. Подвяжет по полям колоски аль над молоком шепотки дрянные наговорит, так мало не покажется. Мора, конечно, не будет лютого, городище крупное, но и немало семей может впроголодь год провести. И ты с такой вдруг легкостью на себя такую ношу взвалил... Отчего?

– Не пойдет на это старик, – вздохнул я, понимая, что дошный череп теперь будет долго нудить. – От силы несто-

ячку наведет на тех молодчиков...

– Ты его видел! – перебил Горын. – Себя-то не обманывай. Чего-чего, а решимости тому было не занимать. Да и терять ему теперь нечего: дорогого самого лишился. А человек, у которого нет больше в мире смысла иного, кроме как мстить... тот страшных дел может наделать.

– То его выбор, – озлился я. – Не мое дело за каждым носиться, нос утирать. Его выбор! А коль Лихо вызову, то уже мое решение будет и последствия от сего на мои плечи лягут!

– Но хоть витязей предупредить мог... – еле слышно выдохнул мой спутник.

– Мог, – согласился я. – Но не предупредил. А потому... Краем уха я успел услышать странный протяжный свист, невпопад вклинившийся в птичьи трели. А через миг мир вокруг меня поплыл и стал гаснуть.

Только на границе затухающего сознания казалось, что слышал я встревоженный зов Горына:

– Ведун! Веду-у-ун!

Да еще знакомый смех.

* * *

– Ну ты, Залазя, мастак! Голова!

Голоса.

Приглушенные, плывущие.

Я не сразу сообразил, где нахожусь. В висках глухо и противно ухало, а перед глазами было темно, и лишь теперь понял я, что натянули на меня мешок. Пытаясь прийти в себя, справиться с тупой болью, я все же догадался, что меня схватили и в данный момент куда-то тащат. Судя по всему, на волокушах или перетяжке из плаща, раз не набилось еще за пазуху полный шиворот травы, камней и земли.

– Ты уж сначала б смотрел, куда кистень мечешь, а? – Тот же голос, нудный и слегка писклявый, что поносил какого-то Залазю, все не унимался. – Наше счастье, что дорожник двужильный оказался, сразу к яге не отправился на поклон. Да еще и ведун! Двинул бы он концы, так нас если бы не гриди¹ княжьи со свету сжили, так местная погань взъелась!

– Да пошто он нам? – раздался угрюмый бас. В голосе говорившего за напускной грубостью таилось смущение и даже испуг. – Бросили б на дороге. Взять все одно с него нечего. И ведун опять же... Вот очухается, озлится, пакостей на нас найдет.

– Ой, дурень, – вздохнул первый голос. – Да что ж он тебе, чаклун-злодей какой? Всяк знает, что ведуны во вред тайнства свои не чинят!

То ли сказал говоривший это не так уверенно, то ли Залазя шибко верил в свою правоту, да только басовитый тут же пошел в атаку:

– Ага, не чинят! То ты не знаешь. Может, они хуже чаклу-

¹ Дружинник, воин.

нов! Опять же, всякий разумеет, что лихих людей ведуны не жалуют и завсегда сдадут витязям, коль случай будет такой!

– Тут твоя правда, – замялся нудный, но тут же осекся. – Но ты сам слышал Другавку. Сказала взять с собой, и точка! Догони ее, докажи, что неправа. Сунет тебе нож в брюхо – будешь скисать под сосенкой, размышлять о всяком. Она на это дело шустря!

И оба замолчали, видимо, придя к единству мнений касательно некой Другавки, бабы, по всему видать, жестокой.

Раскачиваясь и болтаясь на невидимых сносях, я боролся с тошнотой и старался не забыться вновь. Почти сразу я обнаружил, что руки и ноги мои туго связаны, но, к счастью, посох обнаружился рядом. Уважили разбойнички, прихватили.

В том, что я попал именно к ватажникам, сомнений не было. И по повадкам, и по говору.

И по ноющей голове.

– Тьфу, глупость, – заговорил немного погодя Залазя, переходя отчего-то на гулкий шепот. – Комар, а Комар! Ты его вообще видел? Станный он. Вроде и очелье ремесленное, ведунское, а на палку череп насажен. Да и бороды почти нет. Хотя мужик уже. Уж не оборотень какой?

– Может, степняк? – с сомнением пробормотал первый разбойник. – Говорят, у них борода не растет.

– Мозга у тебя не растет, – не удержался, хохотнул басовитый. – Откуда ж в наших краях степняк-то? Да еще и пе-

ший. Всякий знает, что степняки без лошади даже гадить не ходят.

– Разведчик?

– Ох и богатые у нас края, чтоб лазутчика слать! – Залазя проявлял немалую смекалку, и я стал тревожиться, понимая, куда могут завести подобные размышления. Тать народ простой, скорый на решения. Самые легкие. – Завидные места! Такие, что князь Плеглав в хлеву живет, что хоромами называет. Да и мы в лесах последних белок доедаем.

Затаив дыхание, я ждал, понимая, что для себя Залазя все уже решил. И не ошибся.

– Надо было его там оставить, – как бы между делом бросил он. – Или тут придушим. А Другавке скажем, что сдох ведун, не сдюжил. Что думаешь, Комар?

И мои носилки остановились.

Однако узнать, что по этому поводу думает писклявый Комар, никому не было суждено, потому что откуда-то издали раздался вкрадчивый женский голос:

– За моей спиной мои же наказы оспариваешь, Залазя? – В речи этой, тихой и спокойной, крылась властность и... беспощадность. Такая, что сейчас я, находясь и без того в незавидном положении, меньше всего хотел бы оказаться на месте басовитого Залази. – Так ты что ж оторопел? Коль не согласен, ты скажи. Можем раз на раз потягаться. Посмотрим, чья правда.

Я, лежа с мешком на голове, связанный и беспомощный,

ощущал себя в большей безопасности, чем разбойник. Это, кажется, понял и прозорливый Залазя. Он замямлил торопливо:

– Другавка, барыня. Что ж ты, да как же я? Это мы шуткуем просто с Комаром. Пискаля, скажи ты ей. – Сейчас бабовитый очень спешил, понимая, что на кону его жизнь. – А как ты сказала, так и будет! Все сделаем, ведунчика доставим в ватагу. Комар, ну, скажи, да!

Тишина.

Только слышно, как голоса птиц. Поет лес.

Да еще ухаёт в висках. Плохо.

– Головой за это отвечаешь, – наконец бросила Другавка – по всему видать, атаманша. – Коль живым его на постой не притащишь... Неважно мне будет, как он дух испустил. Я тебя на копьях растяну и всю кожу с ляжек срежу. Ты меня знаешь.

Судя по тому, как шумно сглотнул Залазя, он знал.

Дернулись, поднимаясь, мои носилки. Вновь совсем близко зашуршала приминаемая трава, застучали камушки. Я еще пытался собраться с мыслями, но перед глазами все плыло. Меня медленно обволакивало гулкое марево, будто нырнул я с головой в глубокую реку.

Ухаёт в висках.

И я вновь проваливаюсь в беспамятство.

Смех.

Когда я пришел в себя, мешка на голове уже не было.

Я осмотрелся и обнаружил, что оказался в какой-то древней, срубленной чуть ли не век назад хижине. Громадной и темной. Кажется, располагалась она возле корней старого дуба – по крайней мере, часть одной стены и крыша были выстроены вокруг могучих, толстых корней. Лачуга была столь же дикая, сколь и запущенная. Кругом было не прибрано, по углам внавал громоздились груды самого разного хлама – судя по всему, награбленного. Можно было заметить и когда-то снесенную от непогоды да так и забытую здесь утварь. Диковинная, невиданной кладки печь в углу глухо гудела, прикрыв жерло закопченным щитком. Окон в хижине не было, а потому света внутри было чуть – лишь проникал солнечный лучик из приоткрытой кривой и тяжелой двери да коптило несколько лучин. На полу, заваленном явно нанесенной специально хвоей, были также разбросаны самые разнообразные пожитки. Угла предков в хижине не было.

«Куда смотрит домовый?» – подумал я, озираясь по сторонам. Хотя, если честно, я очень сомневался в присутствии в подобном нагромождении корней, бревен и хлама хозяина домашнего очага. Тут, может, и лешачки бы лучше сгодились, как знать.

Отметив, что голова теперь ноет гораздо меньше, а тошноты как не бывало, я с опаской тронул большую шишку за левым ухом. И тут же пожалел об этом, зашипев от боли. Да, Залазя знал свое дело. И только теперь я сообразил, что не связан. Пут на руках и ногах больше не было.

Тихо выругавшись от разрывшейся шишки, я стал искать свой посох. Все же потерять верного Горына, к которому я уже порядком привык, не хотелось. Озираясь по сторонам, я только теперь заметил в темном углу громадную кровать. Да такую, что могла бы быть волоту впору. Была она такая же грубая и кривая, как и вся хижина, собранная из обрубленных стволов так небрежно, что по бокам и у изголовья торчали кривые рога корней. Кажется, ножки ее, массивные бруски, утопали во мху. Сверху же было навалено немерено меховых выделок, а под ними... под ними кто-то лежал.

А еще на самом краю кровати сидела женщина.

На меня она не смотрела, а, чуть согнувшись, не отрывала глаз от шкур, бережно поглаживала их рукой.

Я смог разглядеть, что была она крупной, плечистой и даже в недвижимой ее позе разом угадывалась сила. То, что это Другавка, я понял сразу.

– Ты прости, ведун. – Она даже не повернулась, не шелохнулась. Так и заговорила, будто почувствовав мой взгляд. – Не со зла. Ненароком вышло. Залазя, дурень, не разглядел из чащи, думал, какой купчишка топают. Вот и метнул кистень. Мы так-то вашего брата не трогаем. Ни к чему нам ссоры с

Небылью.

Она немного помолчала.

– Но раз уж так вышло, то не стали бросать тебя, выходили мальчика. Благо лишь оглушило слегка. Видно, судьба тебе была тут оказаться. – Она вздохнула и повторила: – Видно, судьба.

Атаманша только теперь обернулась, легко и быстро для своей комплекции поднялась с кровати и пошла ко мне, и я мог рассмотреть ее лучше. Плечистая, дикая, высокая, статная. Такими, наверное, были в давние времена воительницы-поляницы, необузданные богатырши, что силой и отвагой спорили с самыми удалыми волотовичами. И этого не портили ни драная сорочка, кое-как подпоясанная вервью, ни мужицкие, заправленные в короткие сапоги порты, ни изрядно битая местами кольчужка поверх рубахи. Светлые волосы и голубые в туман глаза, не очень свойственные местным, выдавали в ней северянку. Если не из края Чуди, то из близких мест. Скорее всего, была атаманша уроженкой или Ладослава, или Буявы.

Невольно я засмотрелся на Другавку. По стати и повадкам могла бы она быть если не княжной, то из знатного рода. Бежала от воли отца и подалась в ватажники?

Между тем женщина приблизилась ко мне и, присев на корточки, заглянула прямо в глаза.

– Просить я тебя не буду о помощи: не в моих правилах, – заговорила она с нажимом. – Я дам тебе выбор. Или ты по-

можешь. Или мы тебя уьем. А уж там будь что будет. Подержим как-нибудь ответ перед Небылью, не впервой гузно из огня доставать.

Короткие, резкие фразы, будто взмах засапожного ножа, чертили передо мной мою участь. Но, с другой стороны, тут хотя бы был выбор. А потому я лишь коротко кивнул: мол, понял. И стал ждать, что же нужно от меня атаманше.

– Поможешь моему сыну, – чуть помедлив, бросила она и едва заметно скосила взгляд через плечо. На кровать. И только теперь я догадался, кто был спрятан там, под ворохом шкур. И что за напускной жестокостью Другавки прятался простой страх матери за свое чадо. Страх и надежда, суматошный крик о помощи. Потому атаманша и угрожала, потому что просить не умела. Не те нравы у лесных бродяг.

– Хорошо, – сказал я хрипло. Во рту пересохло. – Мне нужно посмотреть на ребенка. И расскажи мне все без утайки. Только тогда я смогу понять, можно ли что-то сделать.

Другавка кивнула, не выдержала, отвела взгляд и сказала:

– Если тебе нужны твои пожитки, палка твоя с черепушкой, коробок, то они у входа. Молодчики мои в котомке у тебя мальчика пошурудили, ты уж не обессудь. А так все на месте.

Я лишь отмахнулся, потому как вся моя поклажа сейчас была без надобности. Даже Горын. Главное – я знал, что с костяной башкой все в порядке, а остальное потом. Сейчас надо было осмотреть дитя.

Попытавшись подняться, я обнаружил, что переоценил свои силы, и качнулся вбок. Ноги моментально стали мягкими и непослушными, и лежать бы мне на земле, если бы не атаманша. Быстрым движением она подхватила меня под руку, мощно дернула и подставила плечо, давая опору. И я смог по достоинству оценить хватку Другавки. Даже вздумай я попытаться удрать, то шансы мои против нее были бы ничемными. Свернула бы шею, как куренку.

Подведя меня к кровати, атаманша помогла сесть на ложе, а сама застыла рядом. Откинув меха, я потребовал лучину и теперь только смог оглядеть ребенка. Это был мальчик от силы лет десяти. Худой и бледный. Он застыл на разметанных тряпках, служивших подстилкой, недвижимый и мокрый. Вид у него явно был нездоровый, но одного касания до руки малыша мне хватило, чтобы понять, что это не горячка и не лихорадка. Ребенок не был в жару, но не был он и холоден, как в смертном ознобе. Обычный мальчик. Спит.

– Спит, – эхом раздался голос Другавки, и я не сразу понял, к чему это она. – Вот так и спит. Не могу разбудить. Чего только не делала. Уж и водой обливала, и по щекам хлестала, и трясла. А он спит.

Мне почему-то показалось, что сейчас атаманша всхлипнет. Просто, по-бабьи. Но нет. Голос ее не дрогнул. Кремень.

– У меня-то в ватаге одни молодчики, не с кем и покумекать, что делать. Дикие они совсем. А он все спит.

– Звать как ребенка? – коротко бросил я, вслушиваясь в

свое чутье. Голова вновь загудела от малейшего усилия.

– Ярец, – тут же отозвалась женщина. И добавила чуть мягче, дала все же трещину в голосе: – Ярчик.

Что-то было вокруг мальчика, несло какой-то Небылью, но я никак не мог ухватить, распознать это. Будто след на утоптанной тропке, был он почти не виден, исчезал.

– Сколько спит?

– Пять дней уж, – раздался голос атаманши. Качнулся. – Иногда мечется он. Будто страхи снятся или мороки одолевают.

Я покивал, давая понять, что услышал атаманшу.

По всему выходило, что вариантов было немало. Любит нечисть злонравная охотиться на детей, манит ребятня их прямо-таки. И пока что не очень ясно мне было, кто же мучает мальчика. То, что я не чувствовал присутствия нечисти, давало понять, что тварь эта приходящая и сейчас она не в ребенке. Но и выйти ему из сна не дает. Но пока под такие пакости подходить могла и стрига-душежорка, и крикса... Хотя не очень сходится. Те все же помладше детей любят. В любом случае, пока не увидишь нечисть, не узнаешь.

Я повернулся к застывшей неподвижно Другавке:

– В засаду мне надо будет сесть в эту ночь. Поглядеть, что происходит.

И, глянув в глаза женщине, я понял, что передо мной нет больше хозяйки ватажников, лютой атаманши, от одного взгляда которой головорез Залазя лебезит, как нашкодив-

ший отрок.

На меня смотрела мать.

– Поможешь? – одними губами шепнула она.

– Пока не могу сказать, – честно признался я. – Ночь покажет.

Она очень быстро взяла себя в руки. Губы сжались в узкую полоску, заиграли желваки. Кивнула.

– Хорошо. Но коль надумаешь сбежать или, хуже, сыну моему вред причинишь... Так пытаться буду страшно, что все твои дружки с самых дальних капищ услышат. Так и знай, ведун!

С этими словами она резко развернулась и быстрым шагом вышла из хижины. Только тяжело ухнула массивная кривая дверь.

– Милая девица, – раздался знакомый голос Горына от входа. – Прямо-таки само обаяние.

Услышав верного спутника, я хмыкнул. Хотя поводов для веселья пока что особо не было.

Снаружи слышалось, как Другавка отдает приказания своим разбойникам, строго наказывает внутрь хижины не соваться, но и с меня глаз не спускать. Я устало сполз на землю и откинулся спиной на кровать, прикрыв веки. Голова гудела.

– Неждан, – услышал я заговорщический шепот Горына. – Тебя когда тащили сюда, я дорогу примечал. Ежели что, то можем стрекотнуть отсюда. Я мигом выведу.

– Нет уж, – собравшись с силами, чуть погодя ответил я. – Надобно посмотреть, что за нечисть такая повадилась мальчика изводить. Да и рисковать, пытаясь улизнуть от разбойников, что эти леса знают как свои пять пальцев, такая себе затея.

Горын язвительно гаркнул:

– Ой, а выходить супротив неведомой твари ночью – это куда как безопасно, да?

– Да, – спокойно ответил я. – Дело-то привычное. От нечисти знаешь, чего ожидать. А вот от людей...

Череп не нашелся, что ответить, и умолк.

И я, наказав спутнику разбудить меня после сумерек, свалился спать прямо где сидел, у подножья кровати. Надо было набраться сил.

* * *

Ночь преобразила и без того мрачную хижину, превратив ее в страшную пещеру из сказок, в логово жуткого кошмара. Наверное, в подобном месте по описанию словоблудливых сказителей должен был быть заточен древний Вий. Погасшая печь еще долго отдавала тепло, но теперь в холодных тонах лачуги она выглядела застывшей черной машиной. Почему-то напоминала она мне сейчас памятную голову с Бранного Поля, забытый осколок бывшего ужаса. Бледные лучи лунного света, каким-то чудом пробившись сквозь кроны

леса и бревна крыши, нашли свои лазейки и теперь застыли призрачными лентами. В этом блеклом сиянии медленно плыли пылинки, завораживая, чаруя.

Лучины давно погасли, да они и не нужны были. Только мрак и тишина, нет-нет да и прерываемая низким уханьем далекого филина. Неугомонный сыч все не успокаивался где-то в ночи леса, но для меня сейчас это был совершенно другой, чуждый мир, который остался за дверью хижины.

А здесь была только мрачная лачуга, я и маленький мальчик, забывшийся среди шкур на гигантском ложе.

Я ждал.

Еще с вечера, когда добрый Горын самыми непристойными выражениями все же умудрился вырвать меня из забытья, я стал готовиться.

Выглянув из хижины и обнаружив неподалеку пару молодчиков самого угрожающего вида, я наказал им натащить как можно больше еловых иголок. Те сухие, что устлали пол лачуги, не подходили: дух весь вышел. Мужики хмыкнули, переглянулись, но все же один из них прихватил мешок (уж не тот ли, который не так давно был у меня на голове?) и двинулся прочь из лагеря. По возвращении же он вновь был отправлен на поиски можжевельника, да не просто, а чтобы нарезал ветви аккуратно по северу. Надо отдать должное Другавке: своих она держала в строгости, потому как ватажник не стал спорить и вновь двинулся в лес. Надо – значит, надо. Мало ли что атаманша и ведун-приблуда задумали. Меньше

знаешь – целее будешь.

Получив все необходимое, я начал приготовления. Обустроив себе засадный схрон в виде низкого корявого пня, служившего в хижине треном, на котором собирался коротать ночь, я тщательно обсыпал вокруг него круг из еловых иголок, приговорив те нужным шепотком. Я очень надеялся, что на ту нечисть, которая может явиться сегодня, этот покров подействует и тварь не учует меня до поры. Ну а после я разложил ветки можжевельника и принялся с тщанием и усердием плести некое подобие кнута.

И вот теперь, сидя в ночи на пне в кругу еловых иголок и вооружившись своей поделкой, я ждал.

Минуты текли медленной вереницей, слипаясь в один тягучий комок бесконечности, и казалось, что время застыло, уснуло, разморенное бездействием. Но к такому мне было не привыкать: не раз доводилось коротать время в утайке в надежде выхватить какую хитрую нечисть из кружения. Да и учили сызмальства ведунов усидчивости.

Это только у богатырей все шустро. Ух, ах, вжух мечом-кладенцом – и готово. У нашего брата поскучнее дело.

Погрузившись в размышления, я коротал часы, и в какой-то момент мне стало уже казаться, что никто не явится, как вдруг...

Что-то привлекло мое внимание. Будто нечто сдвинулось в замершей хижине. Показалось?

Нет, вот еще раз! Едва уловимое, почти неприметное гла-

зу.

Я втянул воздух, силясь учуять присутствие нечисти, и точно!

Теперь в лачуге был кто-то еще. Пока скрытый, спрятанный в своем кружении, но был!

Я до рези под веками всматривался в потемки, пытаюсь уловить, ухватить движение, и вдруг остановил взгляд на кровати.

Точнее, под кроватью.

Замерев, затаив дыхание, я глядел туда, во мрак под кривой деревянной перекладной.

Вот оно! В угольной черноте что-то шевельнулось!

И через миг из-под ложа поползла наружу страшная длинная рука с черными кривыми пальцами. Поискала по полу, пошарила, будто нащупывая неведомое. Уцепилась, вонзила в утопанную землю обломанные ногти и напряглась, словно тянула своего хозяина оттуда, из мрака под кроватью.

Вот уже появилась страшная всклокоченная голова, маленький нос крючком, холодные, ничего не выражающие глазки, синюшная кожа и громадный зубастый рот, из которого стал появляться черный длинный язык. Он полз и полз, словно змея. Прощупывая себе дорогу.

Чудище довольно зажмурилось, и живой, будто отдельно существующий язык твари спешно стал перебираться наверх, на ложе, все выше и выше. Еще мгновение – и черный влажный конец его захлестнулся вокруг руки мальчика,

и ребенок в тот же миг заметался, заворочался среди шкур. Он слабо постанывал, мотал головой, не в силах проснуться, вырваться из кошмара, в котором его держал бука.

Не так часто доводилось мне встречать бук, но узнать повадки, а особенно громадный приметный язык, не составило труда. Эти подлые небыльники питались детскими страхами, но чаще всего ограничивались запугиваниями или же кошмарами. Но порой, увы, случалось и так, что бука вгонял свою жертву в сон, и тогда уж, теряя над собой контроль, он «выпивал» несчастное дитя до дна. И это, по всему, был именно тот случай.

Не дожидаясь, пока небыльник продолжит мучать Ярчика, я рванул из своей засады.

Бука, до того меня не чувший, а потому всецело поглощенный процессом терзаний мальчика, был застигнут врасплох. В два прыжка оказавшись возле него, я с силой стал хлестать самодельным хлыстом, силясь попасть по языку. Но, к моему сожалению, тварь очень быстро очухалась, мигом отпустив свою жертву и ловко уворачиваясь от моих ударов.

Ночной мучитель оказался очень ловок и проворен. Его черный язык метался из стороны в сторону, норовя ужалить меня, схватить, и в какой-то момент он все же хлестнул в грудь с такой силой, что я отлетел к дальней стене, кубарем покотившись по полу и врезавшись в одну из груд награбленного.

Пока я, бранясь от боли и злости, выбирался из-под заваливших меня тюков, палок и кувшинов, я успел увидеть, что бука, шипя, медленно скрывается обратно под кроватью. Вот уже его и нет, лишь черный язык щелкнул в негодовании в воздухе пару раз. И улизнул следом во мрак.

Я поднялся, проклиная все на свете, подобрал бесполезный уже хлыст и подошел к ложу, где медленно затихал после кошмаров мальчишка.

Лучину получилось зажечь не сразу, руки немного дрожали, но все же когда мне удалось запалить огонек, то я поднес его к ребенку, чтобы осмотреть.

Все то же бледное лицо, тот же измученный вид.

Мельком я бросил взгляд на руку Ярчика. Ту самую, что еще недавно захлестывал черный язык буки.

Там, чуть выше запястья, еле угадывались пять красноватых пятнышек. Как от крапивы. А, нет, уже не пять. Я стоял над малышом и смотрел, как постепенно проявляется шестое пятно. Красная точка.

– Немного времени у нас осталось, Горын, – пробормотал я, зная, что мой спутник, притаившийся на посохе у входа, меня прекрасно слышит. – Точнее, совсем не осталось. Последняя ночь.

Я пожевал губами в раздумьях и добавил:

– Ты веришь в судьбу, друже?

Лучина начала коптить.

Когда на рассвете в хижину чуть ли не ворвалась Другавка, всклокоченная и явно не сомкнувшая глаз, я ждал ее, сидя на кровати подле сына.

Одного взгляда хватило атаманше, чтобы понять, что не все прошло гладко. Она приблизилась ко мне, сложила крепкие руки на груди и замерла в ожидании.

– Это бука, – сказал я негромко, бездумно поглаживая руку спящего мальчишки. Там, где виднелись алые пятна.

Женщина кивнула. Ждала.

– Из недобрых вестей, – продолжил я, понимая, что сейчас мне надо крепко держать ответ. От этого зависит моя жизнь. – Осталась последняя ночь. Потом...

Я помолчал.

– Потом всё.

Мельком глянув в лицо женщине, я понял, что все сказанное мной не имеет особого значения, что ждут от меня лишь одного: решения.

– Из очень недобрых вестей, – вздохнул я. – Бука потерял себя, вошел в раж, напился донельзя, а потому очень силен. Здесь простые ведунские дела не помогут: не с простым ночным кошмаром уже дело имеем. Теперь только на тебя надежда... мать!

Другавка вздернула бровь так, что глубокая складка, за-

легшая над переносицей, разгладилась, разом смахнув маску суровой разбойницы.

– Как это – на меня? – хрипло шепнула она. – Да я эту тварь... изрублю! Только как? Ты научи, ведун! Голыми руками разорву... за Ярчика.

Ее ладони легли на боевые топорики, заправленные за поясную веревку. Замерли.

Я чуть подался вперед, к ребенку, поправил растрепанные волосы. И сам удивился этому ненужному, глупому жесту.

– Бука теперь силен, атаманша. Очень силен, – заговорил я не спеша, стараясь как можно лучше донести смысл сказанного. – Но нет силы крепче, чем материнская любовь. На все пойдет женщина ради своего чада. И тебе, Другавка, надо будет... увидеть буку, поверить в него!

– Я верю! – Жар ее дыхания обдал мне щеку. Атаманша резко склонилась, приблизилась почти вплотную. Крепкая рука ее больно сжала мое плечо. – Верю! Слышишь, ведун?

Я ждал именно этого. Не понимая сути сказанного мной, Другавка пошла самым понятным путем. Ведь кажется, что может быть проще: просто поверить во что-то на словах. Увы, но этого будет недостаточно. Потому как мы чаще всего верим по-настоящему лишь после того, как увидим это.

Вздыхнув, я мягко отстранил распаленную разбойницу, примирительно поднял руку.

– Не все так просто. Я вряд ли могу объяснить тебе про кружение и про переход нечисти из Небыли, но это труднее,

чем просто сказать «верую». Тебе надо будет поверить настолько истово, чтобы вырвать буку из его охоты, вытащить наружу. Лишь тогда он станет уязвим! – И, прочитав непонимание в голубых глазах Другавки, я вздохнул еще раз и добавил сурово: – Я не смогу тебя научить чують нечисть, поэтому и сказал, что теперь все зависит от тебя.

И, обойдя женщину, я прошел к своим пожиткам. Начал копаться в котомке.

– В эту ночь ты будешь здесь, со мной! – бросил я. – Подумай, крепко подумай над моими словами. Все в твоих руках!

Честно говоря, я ожидал криков, брани или же банально-го удара топора мне по темечку, но спустя минуту за моей спиной лишь скрипнула тяжелая дверь.

Весь день я провел в стойбище разбойников. Меня больше никто не сторожил, и я мог позволить себе погреться под лучами робкого весеннего солнца. Леса вокруг еще не до конца оделись в зеленые сарафаны, но обилие елей служило хорошим частоколом для становища ватаги, скрывая их от лишних глаз.

Сам лагерь ничем не отличался бытом от других, виденных мной. Скучный скарб татей, призванный лишь удовлетворять самые крайние нужды, старенькие, явно натасканные из окрестных деревень котлы, чаны, утварь. Обустроились разбойники, видимо, на месте заброшенной давным-давно древней охотничьей заимки. Из крупных постро-

ек была лишь изба атаманши, которая снаружи, как я и ожидал, оказалась выстроена среди корней гигантского прямо-таки дуба. Уходила она длинным скатом крыши до самой земли, приземистая, почти вся покрытая мхом. Остальные же ватажники ютились в крохотных хижинах-землянках, низеньких, почти неприметных. Многие из них были так же выкопаны или под пнями старых елей, или же как часть бурелома. Хорошие схроны, и в сумерках можно было бы и не заметить это поселение, если бы не вытоптанная в центре площадка – место сходов и дележа добычи. Да и то даже здесь, уж не чаяниями ли прозорливой атаманши, костровище было обустроено в глубокой яме, сбоку прикрытой обугленными бревнами. Издали огня и не увидеть.

Почти весь день я провел именно там, на площади, развалившись на древнюю, наверное, помнящем еще времена богатырей полене. Разбойники, которых я насчитал в лагере не менее десятка, сновали по своим делам, приходили откуда-то из чащи и вновь уходили в леса, косились на меня, но в разговор не вступали. То ли по указке Другавки, то ли просто опасаясь странного ведуна, с которым атаманша затевала какие-то тайны в избе.

А может быть, всему виной был живой череп, грозно расположившийся на навершии моего посоха и посверкивающий глазищами. Ватажники – народ хоть и суровый, но все же нечистую сторонятся, лишний раз через плечо плюнуть не поленятся. Впрочем, до суеверий разбойников мне не бы-

ло решительно никакого дела. Не мешают, и ладно.

А что косятся волками – так то загрибок не грузит. Мне с ними в один набег не идти.

– Глянь-ка, Горын, как ты лихих людишек стращаешь, – хмыкнул я, провожая взглядом очередного разбойника, бородатого коротышку в невероятно длинной рубахе и повязке на глазу, необычайно засаленной и грязной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.